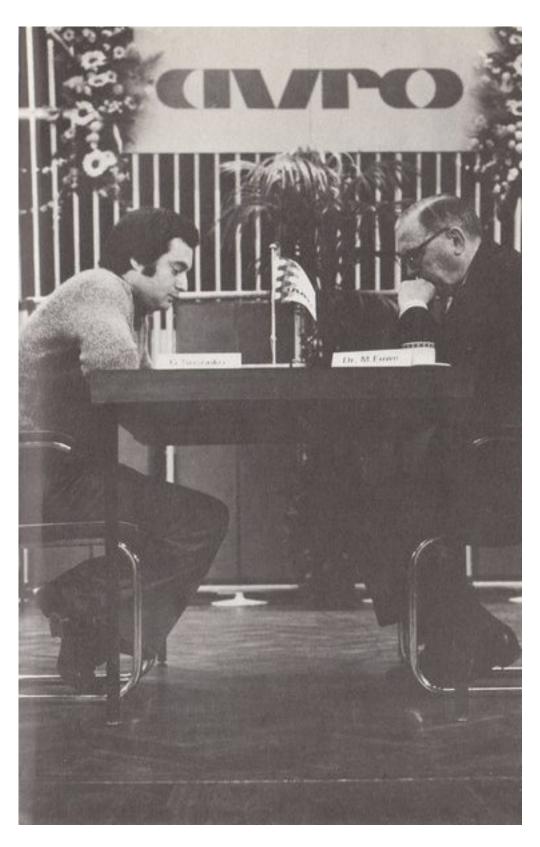
"Малко, пажаста..."

Время публикации: 12.02.2012 23:10 | Последнее обновление: 27.04.2012 19:24

Генна Сосонко

Лет пятнадцать назад разговорился после сеанса одновременной игры с одним из участников - журналистом роттердамской газеты. Роясь в предназначавшихся к уничтожению архивах, он обнаружил папку, на которой было написано: «Макс Эйве». Были ли бы мне интересны эти фотографии? Еще бы! Некоторые я вообще никогда не видел, на других рядом с Эйве обнаружил самого себя.

Мне посчастливилось не только играть с голландским чемпионом мира, но и часто беседовать. В последний раз это было за несколько месяцев до его смерти в 1981 году. Рискну представить запись этой беседы читателям сайта, тем более что такого Эйве непросто обнаружить ни в его статьях, ни в официальных интервью.

Речь шла не только о Ласкере, Капабланке и Алехине, но и о ФИДЕ, о профессионализме в шахматах, о контроле времени на обдумывание, даже о таблетках, могущих помочь шахматисту во время игры. Тем более, что сам Эйве однажды прибег к их помощи.

Думаю, что мнение обо всех этих проблемах чемпиона мира, многолетнего президента ФИДЕ, будет интересно и сегодня, даже если с момента нашего разговора прошло тридцать с лишним лет.

М.Э.: «Во время знаменитого турнира в Петербурге 1909 года мне было восемь лет. Я уже играл в шахматы и помню, как каждое утро с нетерпением ждал газету с сообщениями о турнире. Помню и партию третьего тура, когда Рубинштейн выиграл у Ласкера.

Макс Эйве (справа) с братом

Что я могу сказать о Ласкере? Тактически он был необычайно изворотлив. Шпильман называл Ласкера супершвинделист. Но Ласкер был, конечно, и блистательный позиционный игрок, один из самых великих в истории шахмат.

Он всегда ставил очень высокие финансовые условия, что я, кстати говоря, совсем не считаю неправильным. Но из-за этого в 1924 году не состоялся мой матч с ним. Ласкер запросил за каждую партию 100 долларов, что было тогда очень большой суммой; собрать ее оказалось невозможно.

Я трижды играл с Ласкером и проиграл все три партии. Самое известное поражение - в Ноттингеме 1936 года.

Когда я сыграл **23...Ва5**, Ласкер записал ход на бланке, потом долго смотрел на позицию и поставил после хода вопросительный знак. Снова начал вглядываться в положение, покачал головой, вывел второй вопросительный знак, после чего сделал выигрывающий ход **24.b4**...

Можно ли сказать, что Ласкер в период 35-36 годов был все еще одним из сильнейших в мире? В каком-то смысле это, наверное, и правда, но с самыми сильными он не возражал уже против скорой ничьей. Сила шахматиста с возрастом уменьшается, это очевидно, хотя Бернштейну и Найдорфу в преклонном возрасте, когда выпадали хорошие дни, еще удавалось играть замечательные партии.

Что касается меня, я играю теперь слишком быстро. Раньше, если я быстро делал ход, в большинстве случаев это был хороший ход. Теперь же, если играю быстро, я делаю плохие ходы. Недостаточное знание дебютной теории тоже не идет на пользу дела. Я, правда, просматриваю собственные дебютные монографии для переизданий, и это несколько помогает...

В 1931 году я проиграл матч Капабланке: 4:6. Но Капе в том матче очень повезло. В пятой и восьмой партиях у него было очевидно проиграно, а в девятой, которую он выиграл в конце концов, у него была труба после дебюта.

Комментировал ли сам Капабланка результат этого матча? Нет, он не говорил об этом вообще. Он всегда вел себя так, будто стоит выше этой ерунды. Однажды в партии с Ейтсом Капа пожертвовал качество, получив за него две пешки. Незадолго до контроля он мог выиграть третью, но прошел мимо этой возможности. «Я разберусь с ним и так», - сказал он. На доигрывание Капа пришел в теннисном костюме, но Ейтс оказал яростное сопротивление, и ему так и не удалось оказаться на корте в тот день.

Теорию он знал крайне слабо. Помню, как в паре с Лилиенталем я играл консультационную партию против Капабланки и Кмоха. Кмох рассказывал, что перед партией должен был прочесть Капабланке получасовую лекцию о современной теории.

Контроль времени был тогда 30 ходов на два часа, потом - двухчасовой перерыв; игру возобновляли с контролем 15 ходов в час. Во время паузы все перекусывали и анализировали. Но анализировать позицию после тридцати ходов труднее, чем после сорока. Кстати, я считаю, что откладывание партий и доигрывание на следующий день, что практикуется сегодня, должно быть отменено. Очевидно, роль секундантов в этом случае возрастает невероятно. (Понятно, что компьютеры тогда только-только начинали появляться и были крайне слабы. Г.С.)

Боюсь, понятие «секундант» в шахматы впервые ввел я в матче с Алехиным. В Гаване в 1921 году на матче Ласкера с Капабланкой никаких секундантов не было. Были официанты, подававшие бутерброды и прохладительные напитки. Не было секундантов и на матче Капабланки с Алехиным в 1927 году в Буэнос-Айресе.

* * *

В 1935-м моим секундантом на матче с Алехиным был Мароци, два года спустя — Файн. К сожалению, Файн должен был подвергнуться операции по поводу аппендицита, и я лишился его помощи. Трудно сказать, по этой ли причине растаял мой перевес в счете, или из-за того, что несколько партий я провел в бесшабашном стиле...»

Эйве был очень дружен с Гезой Мароци. В первом матче с Алехиным венгерский гроссмейстер был его секундантом.

И до этого разговора я несколько раз пытался завести с Эйве речь об Алехине, но Профессор, как я называл его, всякий раз старался переменить тему или давал односложные, малозначащие ответы. В 1977 году на закрытии турнира в Вейк-ан-Зее я очутился с Эйве за одним столом. Президент ФИДЕ только что вернулся из Москвы, где побывал на спектакле «Белые и черные», поставленным по книге Котова.

«Весь спектакль посмотреть не удалось, - рассказывал Эйве, - тем более, мой русский, как ты знаешь, уже не тот, что был когда-то, - здесь Профессор улыбнулся. - Но до перерыва я высидел и старался следить за событиями на сцене...»

Когда я начал расспрашивать, соответствовал ли герой спектакля человеку, с которым он сыграл больше партий, чем с кем-либо в жизни, Эйве неожиданно перешел на русский. «Малко, пажаста», - попросил он передать ему молоко для кофе и вместо ответа одарил меня долгим задумчивым взглядом.

М.Э: «Существуют две биографии об Алехине: Котова и Мюллера. О котовской биографии буду краток: это абсолютная фальсификация. Что же касается биографии Мюллера, то она более-менее соответствует действительности. Характер у Алехина был не сахар, но у нас были в общем-то дружеские отношения. В 1926 году перед его матчем с Капабланкой мы сыграли тренировочный матч. Все это время он жил у меня дома в Амстердаме.

В 1933 году меня уже считали гроссмейстером, но я хотел оставить шахматы. Именно тогда я получил письмо от Алехина. Он предлагал сыграть матч из

десяти партий на борту парохода, совершавшего круиз между Голландией и Индонезией.

Ганс Кмох стал уверять, что у меня есть шансы не только в дружеском состязании, но и в матче на первенство мира. Я согласился. Согласился и Алехин.

В начале 1935 года в Амстердаме был подписан контракт о матче на мировое первенство.

Были кризисные годы, и деньги собирались по крохам: требовалось 10 000 гульденов. Отдельные партии были проданы клубам в различных городах Голландии по 500 гульденов за партию. Представь, матч Карпов-Корчной был бы организован в Голландии. Одна партия в Гаарлеме, следующая в Гронингене, потом в Роттердаме и так далее. Шахматный мир объявил бы нас сумасшедшими, даже если бы между партиями и был выходной, как в нашем матче. Но Алехин не издал даже звука: десять тысяч гульденов, а он получил всю сумму, были большими, очень большими деньгами.

В этом матче у Алехина были проблемы с организаторами. Помню, например, 29-ю партию. Согласно регламенту, после сорокового хода играющий белыми независимо от показания часов должен был записать ход. У Алехина была лишняя пешка в ладейном эндшпиле, но позиция носила очевидно ничейный характер. Он сделал сорок первый ход на доске, и судьи потребовали, чтобы ход считался открытым. Я предложил тогда, что сам запишу ход: я знал такого рода эндшпили очень хорошо и не видел для себя никаких трудностей.

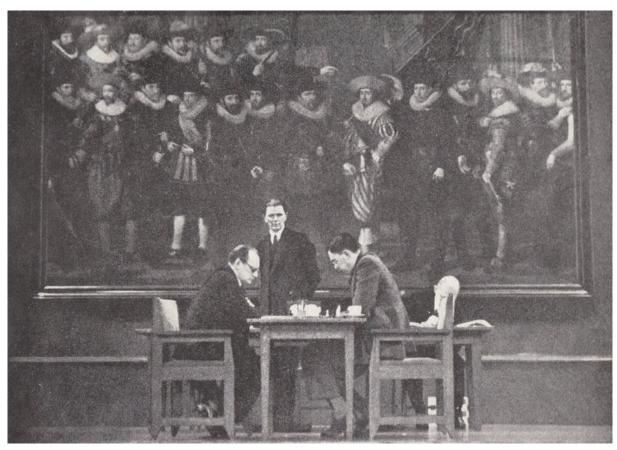
Секундантом Алехина был Сало Ландау, не получавший за свое секунданство ни гроша. Для того чтобы пригласить гроссмейстера, надо было платить из собственного кармана, но Алехин никогда не любил этого делать».

Слева направо: Сало Ландау, Александр Алехин, Эмануил Ласкер, ?, за бриджем. Рядом с Ласкером – Геза Мароци. Амстердам, 1935.

Хотя официальным секундантом Эйве на матче 1935 года был Мароци, Сало Флор тоже помогал ему в подготовке. Водный анализ: Макс Эйве, его отец. В центре Ганс Кмох. Второй справа – Сало Флор. Амстердам, 1935.

Партии матча игрались в различных городах Голландии. Амстердам, 1935. Исторический музей. Наблюдает за игрой Геза Мароци, стрелки капитана Якоба Хоохкамера и лейтенанта Питера ван Рейна.

Перед началом двенадцатой партии матча. Амстердам, 1935. Чемпион и претендент с женами. Наблюдают за вручением цветов и презентов Геза Мароци и Ганс Кмох.

Амстердам, 15 декабря 1935 года. Последняя партия матча Алехин-Эйве. Несмотря на ужасную погоду – дождь со снегом – толпа перед зданием «Беллевю» не уменьшается. Пришлось вызвать даже конную полицию.

Макс Эйве: «На тридцатую партию матча Алехин пришел в смокинге и вообще вел себя крайне спортивно».

Официальное закрытие матча Алехин-Эйве. Амстердам, 1935. Справа налево: новый чемпион мира с супругой, счастливые родители.

Макс Эйве с женой отправляются на торжественный ужин после закрытия матча. На машине буквы NL. Это аббревиатура: Нидерланды – официальное название Голландии.

Собственная машина появилась у Эйве только после войны: скромный учитель математики женского лицея не мог позволить себе такую роскошь. За победу в матче на мировое первенство Эйве не получил ни цента, а на совет Сало Флора — отдохнуть где-нибудь на французской Ривьере, отвечал: «Сало, у меня нет и гривенника, чтобы добраться до станции...»

После окончания последней партии и официального закрытия, в амстердамском «Карлтоне» происходило чествование Макса Эйве.

Когда новоявленный чемпион мира произнес тост за здоровье Алехина, Александр Александрович, подняв в свою очередь стакан с виски, заметил, что «Эйве мог бы начать это действо и пораньше...», чем вызвал веселое оживление присутствующих.

За столом: слева - Алехин с супругой, в правом верхнем углу виднеется чета Эйве.

После чего Алехин продолжал уже серьезно: «Герр доктор, поверьте, я говорю совершенно искренно: звание чемпиона мира по шахматам я вручаю вам от чистого сердца». И гроссмейстеры обменялись энергичным рукопожатием.

Победа! Преподаватель математики, чемпион мира по шахматам в окружении учениц.

Амстердам, декабрь 1935. В девичьем цветнике можно обнаружить и маму Яна Тиммана, окончившую этот лицей. Сейчас это обычная гимназия в пяти минутах ходьбы от моего дома.

Сохранился небольшой фильм об этом матче, его можно посмотреть в Центре Макса Эйве. И речь Эйве (он говорил по-немецки), и ответное выступление Алехина (по-французски), носили в высшей степени дружеский характер.

Проиграв матч в 35-м году, Алехин сказал: «Я одолжил Эйве титул чемпиона мира на два года».

Два года спустя. Амстердам, 1937. Эйве вручает Алехину венок чемпиона мира.

Гарри Каспаров, впрочем, полагает, что «если бы Эйве более ответственно отнесся к титулу, результат матч-реванша мог бы оказаться и иным».

Тот же упрек можно отнести к самому Каспарову: если бы он отнесся к титулу более ответственно, то включил бы в контракт матча с Владимиром Крамником (2000) пункт о проведении так никогда не состоявшегося матч-реванша.

Г.С.: «Я читал, что до войны Алехин всегда отзывался о Ласкере в превосходных степенях, а на банкете после цюрихского турнира 1934 года произнес полный благодарности и комплиментов тост в его честь. Вы ведь тоже играли в Цюрихе, вы помните выступление Алехина?»

М.Э.: «Нет, этого тоста не помню, хотя, быть может, я не очень внимательно отнесся тогда к спичу Алехина. Но я точно помню, как он сказал после победы над Ласкером: "Я снова поставил на место этих евреев…"»

Недавно племянница Алехина связалась со мной, попросив восстановить честь покойного дяди. Я встретился с ней. Эта женщина говорила, что дядя никому никогда не сделал ничего плохого, он просто был антисемитом...

Я заверил ее, что ФИДЕ ничего и не предпринимала против Алехина. Не нуждается в восстановлении чести тот, чье имя и без того в чести.

Как человек Алехин всегда был для меня загадкой. Он был сконцентрирован на своих шахматах и на самом себе до такой степени, что в Голландии его в шутку именовали «Aljekhin- Alleen ik» [Игра слов: Алехин - Только я (голландский) - Г.С.].

Настоящих друзей при таком менталитете у него быть не могло, лишь почитатели и болельщики. В натуре его было что-то детское. Если рассматривать Алехина в этом свете, ему многое можно простить: за шахматной доской он был велик — вне шахмат походил на мальчишку, который проказничает и наивно полагает, что его никто не видит. Мы восхищаемся им как выдающимся шахматистом и поставили превосходный памятник на его могиле в Париже».

Монпарнасское кладбище в центре Парижа. Чтобы добраться до могилы Алехина, следует пройти метров сто по главной аллее, затем от центральной клумбы со скульпурой свернуть направо. Потом пройти еще метров сорок.

Г.С.: «Что вы можете сказать о ссоре Капабланки и Алехина? Ведь до матча 1927 года они были в прекрасных отношениях...»

М.Э.: «Капабланка не принимал всерьез этого матча. Каждый вечер он до поздней ночи играл в бридж. Это не могло не повлиять на его форму и сказалось на финише. В послематчевых интервью Капабланка продолжал говорить о себе как о сильнейшем в мире и отзывался пренебрежительно об Алехине. Остальное известно: очень скоро они стали писать друг другу раздраженные письма, а потом вообще прекратили какое бы то ни было общение.

Когда в 1938 году думали сделать АВРО-турнир отборочным к первенству мира, Алехин был против. Во время перепалки между Файном и Решевским он воскликнул: «Но, господа, давайте не будем вести себя как Капабланка!» Разумеется, это замечание было рассчитано в первую очередь на Капабланку, находившегося в непосредственной близости от разговаривающих.

Капабланка, в свою очередь, хотел уверить дирекцию ABPO, что вместо проведения турнира лучше потратить деньги на его матч с Алехиным. Хотя Капабланка едва ли не до конца продолжал говорить о матч-реванше, полагаю после 1931 года он делал это скорее по инерции.

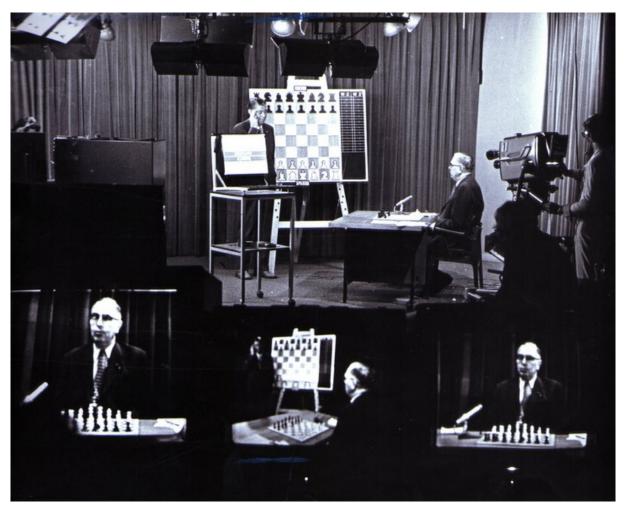
Мы выбрали тогда Флора первым кандидатом на матч с Алехиным, а Капабланку вторым. Но из этих матчей ничего не вышло. Флор занял в АВРО последнее место, а Капабланка не хотел платить золотыми долларами, как требовал Алехин.

Думаю ли я, что Алехин сыграл бы матч, если бы Капабланке удалось собрать сумму, на которой настаивал чемпион мира? Я не сомневаюсь в этом ни на минуту: Алехин был не из робкого десятка».

* * *

Г.С.: Вы стояли во главе ФИДЕ восемь лет. Как вы оцениваете свою работу в этом качестве?

М.Э.: «Уж не знаю, каким президентом ФИДЕ я был... Может, я и не совсем точно придерживался буквы закона перед матчем Фишера со Спасским, но я считал, что этот матч должен быть проведен во имя интересов всего шахматного мира.

Матч Спасский-Фишер (1972). Эйве в студии ABPO в Хилверсуме готовится к прямой трансляции из Исландии. Он курсировал тогда между Амстердамом и Рейкьявиком и, будучи в Голландии, никогда не отказывался от комментирования партий по телевидению.

М.Э.: Идея зональных и межзональных турниров принадлежат мне, как и правил матчей на первенство мира. Не хочу сказать, что я так уж горжусь этим, знаю, что у системы есть немало критиков, но надо было ведь с чего-то начинать.

Огромная заслуга в создании ФИДЕ принадлежит Рюэбу (Александр Рюэб 1882-1959 – гаагский адвокат, друг Эйве – Г.С.). Фактически, ФИДЕ существует только после Второй мировой войны, но именно Рюэб возглавил организацию, оформил ее юридически и четверть века стоял во главе ее».

* * *

Г.С. «Нико Кортлевер был на чемпионате мира 1948 года вашим секундантом. Он рассказывал, что во время турнира вы экспериментировали с какими-то таблетками. Есть ли правда в этом рассказе?»

М.Э. «Действительно, я пытался тогда принимать таблетки, которые, как думали доктора, должны были придать мне бо́льший заряд энергии. Увы, желаемого эффекта это не принесло, и я оставил пилюли. Ты помнишь ведь мое

выступление в том турнире...» (Эйве занял с разрывом в 4,5 очка последнее место Г.С.)

Провальное выступление Эйве определила партия со Смысловым из первого круга. Эту партию голландец вел очень энергично и добился положения близкого к выигрышному.

Критическая позиция в партии создалась после 28 хода черных.

ЭЙВЕ - СМЫСЛОВ

Последний ход черных - **28...Na5**, к которому и Эйве, и Керес, тоже комментировавший эту партию, относятся неодобрительно.

29.Nxe5! Комментаторы полагают, что Смыслов просмотрел этот удар, и у белых теперь выиграно.

29...cxb3 30.Bb1 Qb7 31. Bd4 Kh7 32.Nf4 Bc4.

- **33.Nexg6!** Керес к этому ходу ставит восклицательный знак, считая, впрочем, что и после 33.Qg4 у белых немалый плюс.
- **33...fxg6 34.Nxg6?** Здесь комментаторы (и машина) единодушны вторая жертва ошибочна и ведет к поражению. Необходимо было 34.Qg4 с преимуществом у белых.

После 40-го хода партия была отложена.

Сразу после откладывания Эйве был настроен чрезвычайно оптимистично (неверная оценка позиции или следствие «чудесных» пилюль?) Секундантам потребовалось немало труда, чтобы убедить мэтра в безнадежности положения белых. Действительно, догрывание продолжалось только два хода, и Эйве сдался.

М.Э. «Шахматным профессионалом я был фактически один год, сезон 1946-47. Федерация страны предоставила мне возможность еще раз побороться за звание чемпиона мира. Они гарантировали 600 гульденов в месяц — средняя зарплата преподавателя в то время. Еще 75 гульденов я получал за редакторство журнала. Конечно, это было далеко не роскошно, но федерация не могла позволить себе большее в те годы. В целом это был очень тяжелый период в моей карьере...

Да, я еще давал сеансы. Конечно, если человек готовится к борьбе за первенство мира, лучше не давать изнурительные сеансы. Ян Тимман, например, соглашается далеко не на все сеансы и очень выборочно принимает приглашения на турниры. Между Тимманом и мной лежит расстояние ровно в полвека, и его положение значительно лучше: в Голландии сейчас много сильных шахматистов, к тому же шахматы стали значительно популярнее. Если у человека есть талант и - что еще важнее — трудолюбие, он может решиться сделать шахматы профессией. Но профессия эта очень тяжелая: теория выросла невероятно: современный профессионал должен обрабатывать огромное количество информации...

Я очень рад, что не стал профессионалом. Занятия математикой всегда доставляли мне больше удовольствия. Математика требует меньшей затраты нервов, но главное - творческое, созидательное начало в математике играет значительно бо́льшую роль, чем в шахматах. Но именно факторы волнения, азарта, напряжения делают шахматы для многих столь привлекательными. В шахматах очень важна сильная нервная система, необходимы выдержка, умение держать себя в руках. Но это все важно и в покере, хотя в покере присутствует и элемент счастья. Впрочем, этот элемент нельзя исключать и в шахматной игре.

Раньше почти все профессионалы были бедняками. Грюнфельд, например, только с огромным трудом держался на плаву. Доход ему приносили, главным образом, две шахматные рубрики. По-моему, Грюнфельд был первым, кто завел картотеку дебютов. После его смерти картотеку выставили на продажу, запросив за нее 25 тысяч гульденов, но любителей не нашлось. Если мне не изменяет память, картотека состояла только из дебютов его собственного репертуара. Очень важной была картотека Альберта Беккера...»

Я видел эту картотеку в офисе ФИДЕ в Амстердаме. Собранная австрийским теоретиком, картотека представляла из себя листочки бумаги, исписанные всевозможными дебютными вариантами с маленькими вкраплениями собственных анализов. Подавляющее большинство их потеряло к тому времени всякую актуальность. Неудивительно: ничто не устаревает так быстро, как дебютные справочники и монографии.

М.Э. «В Голландии первым профессиональным шахматистом был Давидсон, но тогда на профессиональные занятия любым видом спорта смотрели совсем подругому, чем сегодня. Давидсон постоянно испытывал огромные трудности как в материальном, так и в социальном плане. Что значит в социальном? Когда человек говорил в обществе, что его профессия шахматы, на него смотрели подозрительно. Разве это занятие для настоящего джентльмена? Прилично ли делать благородное хобби средством для заработка..?»

Здесь обрываются записи моих разговоров с Максом Эйве. Добавлю, что Профессор скромно умолчал, что Жаку Давидсону регулярно помогал он сам, равно как и вдове друга юности бельгийца Эдгара Колле, умершего в 1932 году совсем молодым.

* * *

Уже в преклонном возрасте Эйве защищал цвета несуществующего сегодня роттердамского клуба «Фолмак». Однажды, играя с довольно слабым игроком, он уже в дебюте выиграл фигуру. Профессор посмотрел вопросительно на своего соперника, потом на часы. Никакой реакции, партнер продолжал играть, как ни в чем ни бывало.

Позиция носила закрытый характер, и партия затянулась.

Наконец любитель произнес: «Я думаю, положение проиграно».

Эйве невозмутимо кивнул головой.

«Вы должны признать, - продолжал его оппонент, - я превосходно держал оборону». Эйве снова кивнул.

«Знаете, - развивал инициативу соперник, - если бы у вас не было лишней фигуры, вы вообще не выиграли бы...»

* * *

Не следует думать, однако, что Эйве был агнцем божьим, человеком без недостатков или страстей. Профессор тоже ссорился и даже имел врагов, совсем как простые смертные во все времена. В узком кругу Эйве мог позволить себе острые высказывания. После смерти одного шахматного функционера, нередко выступавшего против него, он заметил: «Противный был человечишка. Не будем скорбеть о нем».

О журналисте, который писал об Эйве небылицы: «Человек, который может очень немного и делает тоже чрезвычайно мало. Но он очень хорош в разнузданном поливе тех, кто понастоящему делает много!»

О молодом шахматисте, высказывавшемся о нем критически и без уважения: «От таких невротов следует держаться подальше: они высасывают из тебя все, ничего не давая взамен. Они всегда чувствуют себя правыми и говорят, говорят, говорят без конца...»

Во время войны у Эйве произошел инцидент с немецким солдатом, решившим «реквизировать» велосипед Профессора. Попытка закончилась ничем. «Я посмотрел бы на него, если бы дело дошло до рукопашной, - вспоминал Эйве. – Я ведь одно время занимался боксом...» Амстердам 1934.

На несколько лет с ним прервал отношения Бент Ларсен, когда датчанину показалось, что президент ФИДЕ пошел на поводу Советов и включил его и Хюбнера в межзональный

турнир в Ленинграде (1973). Другой межзональный - в Бразилии был много слабее, и в логике Ларсена, представлявшего тогда реальную грозу советским гроссмейстерам, был свой резон.

Не следует забывать, однако, что годы президенства Эйве пришлись не только на время «холодной войны», но и на период тотальной гегемонии советских шахмат. Президент ФИДЕ не мог не считаться с мнением самой сильной и влиятельной шахматной державы в мире. Но когда доходило до принципа, Эйве твердо стоял на своем.

Он не поддался шантажу советских функционеров и не перенес Олимпиаду 1976 года из Израиля, на чем настаивали не только арабские, но и страны коммунистического блока во главе с Советским Союзом.

Да и его поведение во время выплеснувшегося далеко за пределы шахматной доски противостояния Спасского с Фишером, когда Эйве приложил все усилия, чтобы матч состоялся, никогда не было забыто. Что ж удивительного, что в Москве были недовольны президентом ФИДЕ и вели против него закулисную борьбу.

Документы из архивов ЦК КПСС с грифом «секретно», ставшие доступными только после распада страны, не только свидетельствуют об этом, но и показывают на каком уровне решались в Советском Союзе вопросы, связанные со спортом вообще и с шахматами в частности.

цк кпсс

Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР в дополнение к информации от 19 августа с.г. об участии советских спортсменов в шахматной олимпиаде, проводимой в Ливии в октябре-ноябре 1976 года и отказе Международной шахматной федерации (ФИДЕ) отменить шахматные олимпиады в Израиле, полагает необходимым сообщить, что в последние годы вообще сложилась ненормальная обстановка в ФИДЕ. Президент федерации М. Эйве систематически и довольно последовательно игнорирует многие предложения социалистических стран и осуществляет мероприятия, свидетельствующие о его проамериканской и просионистской ориентации, не стесняясь подчас принимать решения, ущемляющие законные интересы советских шахматистов. Особенно это проявилось в период подготовки матчей на звание чемпиона мира между американским гроссмейстером Р.Фишером и советскими шахматистами Б.Спасским и А.Карповым.

В 1974-1975 гг. несмотря на возражения шахматных федераций СССР, социалистических стран, а также ряда арабских стран, М.Эйве принял решение провести шахматные олимпиады в Израиле. Ошибочность этого решения в настоящее время очевидна всем (в Израиль собираются приехать только 30-35 делегаций, в то время как на предыдущих олимпиадах были шахматисты более 70 стран из 93, состоящих в ФИДЕ) однако М.Эйве упорно продолжает заявлять, что и в этом случае он не отменит олимпиады в Израиле.

Свидетельством односторонней ориентации М.Эйве является и его нежелание объективно разобраться в ситуации, сложившейся в связи с изменой Родине гроссмейстера Корчного. С первых же дней, как Корчной остался в Нидерландах, М.Эйве систематически выступает в защиту его прав на участие в матчах претендентов на звание чемпиона мира по шахматам в 1977 году, хотя в конфиденциальной беседе уже обращалось внимание М.Эйве, что ФИДЕ в соответствии с Уставом не должно вмешиваться во внутренние дела национальных федераций.

Неспособность М.Эйве управлять деятельностью ФИДЕ проявляется и при решении многих других вопросов. Видно сказывается и его преклонный возраст (75 лет).

В связи с этим Спорткомитет СССР полагает целесообразным совместно с другими социалистическими странами начать закрытые переговоры о подборе кандидатуры на пост президента ФИДЕ (может быть от Югославии) с тем, чтобы в конце 1976 г. - начале 1977 г. публично выступить с требованием отставки М.Эйве. В соответствии с Уставом ФИДЕ, официальные перевыборы президента должны состояться в 1978 году.

Председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР

С.П.Павлов

20 августа 1976 года

В течение длительного времени между шахматистами СССР и Голландии поддерживаются контакты и осуществляется обмен спортсменами. Советские шахматисты, в том числе и ведущие гроссмейстеры еже годно участвуют в нескольких традиционных международных турнирах в Голландии, а голландские шахматисты приглашаются на турниры в СССР.

Однако в последние годы Шахматный союз Нидерландов совершает действия, носящие недружественный характер по отношению к СССР и, в частности, оказывает поддержку шахматистам, эмигрировавшим из СССР и других социалистических стран.

Так, в Голландии обосновался бывший мастер спорта СССР Г.Сосон ко, эмигрировавший сначала в Израиль, а затем переехавший на жительство в Голландию. Еще до получения гражданства этой страны Сосонко приглашался к участию в турнирах как ее представитель, а в 1975 году в явно пропагандистских целях был проведен его матч из двух партий с экс-чемпионом мира, президентом ФИДЕ М.Эйве. На турниры в Голландию систематически приглашаются А.Кушнир, эмигрировавшая из СССР в Израиль, быеший чехословацкий шахматист Л.Кавалек, проживакщий ныне в США, и другие подобные лица.

Шахматный союз Голландии ныне оказывает покровительство ВКорчному. Голландскими властями Корчному отказано в статусе политического эмигранта (разрешено временное проживание в Голландии по "моральным и гуманным" мотивам), однако Шахматный союз Голландии взялся представлять его интересы в соревнованиях претендентов на первенство мира.

Учитывая, что все эти шаги носят политическую окраску, Спорткомитет СССР полагает целесообразным впредь сократить направление советских шахматистов на турниры в Голландию (кроме официальных чемпионатов), не направлять в эту страну ведущих гроссмейстеров и ограничить приглашения голландских шахматистов в СССР.

Просим согласия.

Председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР

С.П.Павлов

"15" декабря 1976г. #405% Ни по вкладу в шахматы, ни по масштабу таланта, голландского чемпиона мира нельзя, конечно, сравнить ни со Смысловым, ни с Талем, тоже носившими корону очень короткий период.

Но в трудные времена прошлого века Макс Эйве достойно прожил долгую жизнь и заслуженно является гордостью маленькой страны у Северного моря.

